

А. В. Лубков

Михаил Катков

Молодые годы

Москва 2018

Алексей Лубков

Михаил Катков. Молодые годы

«МПГУ»

2018

УДК 1(470)(091)
ББК 87.3(2)521-362

Лубков А. В.

Михаил Катков. Молодые годы / А. В. Лубков — «МПГУ», 2018

ISBN 78-5-4263-0641-7

Имя выдающегося русского мыслителя, публициста и просветителя Михаила Никифоровича Каткова (1818–1887), одного из основателей политической журналистики, издателя популярных и уважаемых в Отечестве и за рубежом «Русского вестника» и «Московских ведомостей», давно привлекает внимание исследователей. Особый интерес вызывают годы становления его личности, время, когда человек делает внутренний выбор, обретает себя. Читатель имеет возможность познакомиться с миром мечтаний, романтическими привязанностями и кругом друзей и товарищей М. Н. Каткова. Со страниц книги перед нами предстают живые образы видных деятелей русской культуры, поэтов, писателей, ученых и журналистов, повлиявших на жизненный выбор и мировоззрение будущего публициста и идеолога российской государственности. Издание приурочено к 200-летию М. Н. Каткова и адресовано широкой читательской аудитории.

УДК 1(470)(091)
ББК 87.3(2)521-362

ISBN 78-5-4263-0641-7

© Лубков А. В., 2018
© МПГУ, 2018

Содержание

От автора	7
Вступление	9
Глава 1	12
Семья	12
Круг друзей и знакомых	16
Москва, 1818 год	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Алексей Владимирович Лубков

Михаил Катков: молодые годы

© Лубков А. В., текст, 2018

© МПГУ, 2018

* * *

Михаил Катков.

От автора

Настоящее издание в какой-то степени является продолжением исследования творчества видных фигур общественной мысли и общественного движения России, долгие годы, по разным причинам, пребывавших в историческом забвении. Ранее, в 2008 году, в серии ЖЗЛ вышла книга, посвященная жизни и деятельности выдающегося представителя русского либерализма, общественного и политического деятеля и оригинального мыслителя – князя Д. И. Шаховского. Новая работа знакомит читателей с Михаилом Катковым, человеком, неоднозначно воспринимаемым современниками и потомками, чьи идейные взгляды претерпели со временем разительные изменения. Будучи в молодые годы приверженцем либеральных идей и ценностей, в дальнейшем М. Н. Катков обрушил ожесточенную критику не только в адрес своих идейных противников – радикалов-нигилистов, но и, казалось бы, своих сторонников – российских либералов самых разных оттенков.

Прослеживается явная преемственность и взаимосвязь двух изданий. Автор продолжает попытки разобраться в необъятной многогранности человеческой личности, постичь богатство и глубину ее внутреннего мира. Самобытные мыслители определяли направления духовного самопознания России, являлись инициаторами многочисленных личных и общественных начинаний. Всецело поглощенные повседневными заботами о благе и устройстве нашего Отечества, они привлекали значительные фигуры и силы русской науки и культуры к решению задач государственного масштаба, консолидировали политических единомышленников, а подчас и оппонентов.

По-разному сложились жизненные пути героев книг. Отстаивание идей справедливости, свободы и человеческого достоинства, столь свойственное русскому человеку, привело Д. И. Шаховского к итогу, оказавшемуся столь неожиданным для многих интеллектуалов. Они «хотели ледокола, а получилось землетрясение», разрушившее основы государственной власти и устои русского общества. Идеология февразизма так и не сумела соединить державность и государственность с идеей свободомыслия, самоуправления, с идеей гражданского общества и правового государства. И это стало трагедией для людей, которые считали себя искренними патриотами. Очевидно, что само понимание блага России и видение ее реального исторического пути находились в глубоком противоречии в их сознании и деятельности.

М. Н. Катков продемонстрировал иной путь русской национальной традиции, став видным выразителем имперского сознания. Автор очерков, воссоздающих историю общественного движения в дореволюционной России, А. А. Корнилов одним из первых обратил внимание на эту особенность эволюции мировоззрения М. Н. Каткова. Катков, стоя на либеральных или консервативных позициях, неизменно приглашал «наших умников» «выкинуть дурь из головы...», «найти заглохший путь к народной святыне.», «обновить в себе дух нашей истории, перестать быть иностранцами и стать поистине детьми своей страны, живую часть своего народа.». Предложенный им «царский путь» не был путем «либерализма или консерватизма, новизны или старины, прогресса или регресса». Не был он и путем золотой середины между двумя крайностями. Единственный смысл его состоял в заботе о благе «своего стомиллионного народа»¹.

Но так или иначе, служение народу и Отечеству и было тем идеалом и компасом, которые направляли устремления наших героев, выбравших для себя свою дорогу в жизни.

Объединяет их и география пространства Москвы – Зубовский бульвар, дома, стоящие друг напротив друга. Доходный дом М. М. Любощинского № 15, квартира 23, стал постоянным

¹ Корнилов А. А. Михаил Никифорович Катков (1818–1887) // История русской литературы. XIX в.: В 5 т. / Под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. Т. 5. М., 1911. С. 130.

местом жительства Д. И. Шаховского с 1912 года, когда он с семьей переехал из Петербурга в Москву. Дом сохранился. В настоящее время он принадлежит Государственному музею истории российской литературы имени В. И. Даля (Государственному литературному музею).

На противоположной стороне, рядом с Провиантскими складами, ближе к Москва-реке, располагался Московский императорский лицей в память цесаревича Николая, общеизвестный как «Катковский» лицей. Своим главным фасадом он выходит на Зубовский бульвар.

Здание сохранило не только свой архитектурный облик последней четверти XIX века, но и свое предназначение. В настоящее время оно продолжает служить просветительским целям на уровне образования и науки. Сегодня на Остоженке, 53/2 располагается Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России.

Такое совпадение тоже невольно обращает на себя внимание, особенно если вспомнить события, связанные с Польским восстанием 1863 года. По свидетельствам современников, «Катков сделался тогда героем дня», «самым популярным и самым влиятельным представителем русского общественного мнения не только в России, но и в Европе»². Его усилия по консолидации общественного мнения и выражению общего патриотического настроения сыграли неоценимую роль в поддержке русской дипломатии и ее блестящей победе над дипломатией западных держав.

На здании можно увидеть мемориальную доску к 200-летию со дня рождения выдающегося дипломата и государственного деятеля Александра Михайловича Горчакова. Мемориальных досок, запечатлевших имена Шаховского или Каткова, мы не увидим сегодня, но сами здания, сохраняющие свой незабвенный облик, напоминают нам о тех, чей глас разносился по городам и весям великой державы и далеко за ее пределами. Примечательно, что соратники Шаховского и Каткова не раз возвращались к пониманию и оценкам своих идейных вдохновителей, своим учителям и наставникам, отмечая их незаурядные личные качества и выдающиеся заслуги на общественном поприще. И первым в этом ряду всегда был А. С. Пушкин.

Так удивительным образом во времени и пространстве соединяются и сегодня личности и идеи, жизненное кредо и судьбы людей. Россия предстает как живая Вселенная. Ее бесконечные глубины таят в себе еще неразгаданные миры, многообразные традиции, которые необходимо правильно освоить и на которые следует опереться в нашем движении вперед. В их органичном синтезе и гармонии заключена национальная симфония, сложность, многогранность, богатство и красота мира отечественной истории и культуры.

Автор сердечно благодарит своих учеников Сергея Данилина и Ирину Кузьмину (Литвинову) за многолетнее совместное сотрудничество и помощь в подготовке настоящего издания, а также выражает глубокую признательность всем товарищам и коллегам, родным и близким людям, неизменно поддерживающим его в период работы над книгой и в разные периоды жизни.

2015–2018 годы

² Корнилов А. А. Михаил Никифорович Катков (1818–1887) // История русской литературы. XIX в.: В 5 т. / Под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. Т. 5. М., 1911. С. 127.

Вступление Постижение России

О России я думаю и мечтаю очень часто и всякий раз более чувствую крепость связей, соединяющих меня с моим народом.

М. Н. Катков. Из письма матери и брату. 1842 год³

Этот человек доказал, что в решительную минуту он способен всё поставить на карту, готов рисковать всем своим личным положением и благополучием ради того, что он считал пользой своего Отечества.

Вл. С. Соловьёв. 1897 год⁴

Имя крупнейшего русского мыслителя и общественного деятеля Михаила Никифоровича Каткова занимает яркое и особое место в ряду властителей дум и литературных законодателей общественно-политической мысли XIX века. Наравне с П. Я. Чаадаевым и А. С. Пушкиным, возвращающими нас к осмыслению духовного и социокультурного пространства русской истории, к диалогу и размышлениям о цивилизационных основаниях и национальном самосознании, М. Н. Катков актуализировал проблему воспитания государственной национальной идеи.

Предложив свой ответ на задачи российской цивилизации и ее предназначение, он принял живое участие в важнейших не только для своего времени дискуссиях. Борьба концепций и интерпретаций обогащает понимание ключевых тем и поисков в истории отечественной общественно-политической мысли, позволяет увидеть за классификационной дихотомией обычных людей – носителей определенной общественно-политической доктрины, противоречивую цельность их мировоззрения, исследовать истоки формирующихся «внутренних» установок сознания и ценностей, распознать единое поле для творчества, основополагающие константы.

Невольное сопоставление, на первый взгляд, диаметрально противоположных по своим взглядам людей, относимых к явно полярным «лагерям», несовместимых по своим воззрениям, подчас выявляет нечто большее, чем собственно разделение на славянофильские и западнические платформы, левых или правых, почвенников или консерваторов, и обнаруживает действительное творчество национального самосознания на основе любви к своей Родине, к чему и призывал в свое время идейных противников Н. А. Бердяев⁵.

Своих будущих идейных противников Катков хорошо знал уже в молодости, поскольку все они были объединены общим кругом интересов и знакомств. В бурной творческой атмосфере студенческих и литературных обществ постигались достижения науки и культуры разных эпох и народов. Молодые люди находились в постоянном процессе самообразования, исследовательском и духовном поиске. Не случаен поэтому наш интерес к периоду юности и взросления Каткова, где коренятся основы вызревания принципов и убеждений, транслируемых впоследствии на широкой арене общественно-государственной деятельности. Они важны для осмысления идейной эволюции, имеющей свою предысторию.

Становление цельной мировоззренческой картины свершалось бок о бок как с единомышленниками, так и с оппозиционерами, с кем жизненные пути разошлись. Интересно заме-

³ Материалы для жизнеописания М. Н. Каткова. Ч. I. Из писем М. Н. Каткова к матери и брату // Русский вестник. 1897. № 8. С. 165.

⁴ Соловьёв В. С. Несколько личных воспоминаний о Каткове // Соловьёв В. С. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 633.

⁵ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 2016.

туть, что 1830–40-е годы многие относят и к возникновению феномена российской интеллигенции, к тому времени, когда именно в мировоззрении русского образованного общества происходят глубокие изменения.

Катков предвосхищал развитие важных идей, получивших дальнейшее осмысление в русской литературе, философии, культуре, с глубинами которых он будет знакомить своего читателя совсем в скором времени на страницах «Московских ведомостей» и «Русского вестника», когда собственно и станет известным общественно-политическим деятелем, идеологом и выразителем определенного идейного направления. Подогреваемый редактором «Московских ведомостей» и «Русского вестника» интерес к проблематике антинигилистического романа как мировоззренческого произведения сыграет важную роль в идейной борьбе в литературе второй половины XIX века и отразит «диалектический момент в судьбе России»⁶. Катков будет глашатаем общественного мнения, серьезно влияющим на политику и правительственные круги. Проводимые «московским громовержцем» идеи органично воспринимались в обществе и пользовались высокой степенью доверия. Значимость его авторитета и роли в общественной мысли и жизни не вызвала сомнений. Подчеркнем важность того факта, что благодаря Каткову образ России будет формироваться и за рубежом.

Исходя из понимания традиционных ценностей и опыта, заложенного в культурно-исторических основаниях русского народа, Михаил Никифорович Катков развивал осмысленные им еще в молодости идеи народности (самобытности) и солидарности, духовности, открытости и любви. Вопрос о судьбе родины оставался неизменным идейным стержнем в его воззрениях и деятельности как в раннем творчестве («Песни русского народа», 1839), так и во все последующие годы. «...Итак, скажите лучше прямо, что такое Русь, что такое православный русский народ, из каких стихий сложился его характер, какие свойства составляют существо его духа, в чем проявлялась жизнь его, и что это за жизнь, как развивался он и в чем заключается его развитие? – О, если вы можете, то, Бога ради, отвечайте на эти вопросы!» – обращался к своим современникам М. Н. Катков⁷.

Исследуя струны русской души – народные песнопения, Катков как исследователь воссоздавал живой организм русского народа, стремясь найти ключ к разгадке тайн его души и духа. «Углубляйтесь в поэзию народа для того, чтобы изведать содержание, глубину и мощь его фантазии, чтобы лицом к лицу познакомиться с его духом, проникнуться им и после узнавать его везде, во всех разнообразных проявлениях»⁸, – наставлял он. «Читатель! благослови свою родину, благослови народ, из которого ты вышел. Этот мир, на который мы взглянули теперь мельком, – этот мир – дивное создание творческой фантазии»⁹.

Катков говорил о необходимости воспитания любви к своему отечеству. Это чувство родного А. С. Пушкин называл «животворящей святыней», основой «самостоянья человека», «величия его». Без него «наш тесный мир – пустыня», «алтарь без божества». Выступая против разрушения и ниспровержения основ государства, в своем служении на общественном поприще Катков стремился сплотить русское общество могущественной скрепой национального самосознания, уча его критически оценивать и осмысливать происходящее, распознавать разрушающие нигилистические тенденции, быстро укореняющиеся в сознании. Он практически воплощал русскую духовную традицию – идею соборности, гармонии целого и свободы составляющих его частей.

Незаурядность и оригинальность личности, живое воздействие ума и таланта породили богатство мнений о Каткове и оценок. Но все едины были в одном: на Страстном бульваре

⁶ Бердяев Н. А. Русская идея // Русская литература. 1990. № 2. С. 98.

⁷ Катков М. Н. Песни русского народа // Отечественные записки. 1839. Т. 4. № 6. С. 3.

⁸ Там же. № 7. С. 66.

⁹ Там же. С. 60.

в Москве появилась своего рода «инспекция всероссийской службы», которую боялись, ненавидели, клеветали на нее. «В Петербурге, и именно во “властных сферах”, боялись Каткова. Чего боялись? Боялись в себе недостойного, малого служения России, боялись в себе эгоизма, “своей корысти”. И – того, что все эти слабости никогда не будут укрыты от Каткова, от его громадного ума, зоркого глаза, разящего слова». «Критерием же и руководящим в критике принципом было то историческое дело, которое Москва сделала для России. Дело это – единство и величие России»¹⁰.

Некоторые, вслед за К. Н. Леонтьевым, настаивали, чтобы Каткову был установлен памятник напротив памятника Пушкину, ибо редактор «Русского вестника» был великим поэтом государственности российской¹¹.

Обращение к его научному и творческому наследию и сегодня обогащает наше понимание поисков и ответов, перспектив развития личности человека и общества в эпоху самых драматических и динамических изменений.

¹⁰ Розанов В. В. Суворин и Катков // Колокол. 1916. 11 марта.

¹¹ См.: Каптор В. К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М., 2008. С. 339.

Глава 1

Мир детства (1818–1826)

Семья

Михаил Никифорович Катков родился в Москве 1 ноября 1818 года¹² в семье титулярного советника Никифора Васильевича Каткова, мелкого чухломского помещика, происходившего из личных дворян Костромской губернии. Отец служил в Московском губернском правлении, был огромного роста и красавцем, а умер внезапно от удара¹³, оставив вдовой жену, Варвару Акимовну (Екимовну), и двух сыновей. Младшему, Мефодию, в 1823 году едва исполнилось три года, а старшему сыну, Михаилу, не было и пяти лет.

Особого богатства Никифор Васильевич Катков за свою короткую жизнь не нажил. Единственным его достоянием можно считать дворянскую честь и верность Отечеству и престолу: небесному и земному, что для человека из благородного сословия всегда являлось главными добродетелями. Но и здесь были свои сложности. Никифор Катков успел дослужиться до чина титулярного советника (чиновник IX класса) и правами потомственного дворянства не обладал. Потомственное дворянство в России первой половины XIX века мог получить чиновник VIII класса (коллежский асессор). Михаил и Мефодий Катковы фактически пользовались правами личных дворян и относились к сословной группе обер-офицерских детей. Это была особая социальная категория лично свободного населения империи. Пётр Иванович Бартенев (1829–1912) – известный историк, литературовед-пушкинист, основатель и издатель «Русского архива» – пояснял в одной из своих публикаций, что в формуляре Каткова значилось, что он сын обер-офицера¹⁴.

В книге костромского краеведа Александра Александровича Григорова (1904–1989), посвященной местным дворянским родам, есть одно интересное упоминание о Каткове. Автор приводит рассказ о своей бабушке, которая «была знакома с М. Н. Катковым – консервативным деятелем того времени, основателем Московского («Катковского») лицея, иначе – лицея цесаревича Николая на ул. Остоженке, близ Крымского моста (после революции в здании Лицея размещался Институт красной профессуры). Катков и посоветовал бабушке отдать своих сыновей в этот лицей»¹⁵. Факты семейной хроники, приведенные А. А. Григоровым, обращают на себя внимание именно в контексте связи Каткова с костромичами. То, что они являлись для него не просто знакомыми, но и земляками, видимо, не составляло секрета для прекрасного специалиста, отличавшегося глубокими и обширными знаниями своего предмета. Но,

¹² Здесь и далее все даты русской истории приводятся по юлианскому календарю. Некоторые издания указывают и другие даты дня и года рождения Каткова – 6 ноября 1817 или 1 (13) февраля 1818 г. См.: *Ванези. С. С. Катков М. Н. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992; Прокопов Т. «Россия. в ней два императора: Александр II и Катков». Вехи судьбы охранителя консервативной государственности // Катков М. Н. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. СПб., 2010. С. 11. В дореволюционных изданиях, как правило, указывается 1 ноября 1818 г. См.: Катков М. Н. // Русский биографический словарь / Под ред. А. А. Половцова. Т. 8. СПб., 1897. С. 548; Катков М. Н. // Энциклопедический словарь. Изд. Русского библиографического института Гранат. Т. 23. Стб. 620. М., 1914. В сборнике под редакцией С. П. Шевырёва «Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета 12 января 1855 года» (М., 1855. Ч. I. С. 381) дата рождения М. Н. Каткова указана как 1 ноября 1818 года. По свидетельству близкого товарища и многолетнего сотрудника Каткова Н. А. Любимова, содержание своей биографии Катков составил сам. См.: *Любимов Н. Михаил Никифорович Катков (по личным воспоминаниям) // Воспоминания о Михаиле Каткове. М., 2014. С. 220. Встречающиеся разночтения вызваны, на наш взгляд, недоразумениями разного рода.**

¹³ Из Записной книжки «Русского архива»: М. Н. Катков // Русский архив. 1912. № 3. С. 450.

¹⁴ Письма М. Н. Каткова к А. Н. Попову / Сообщ. И. Ф. Эверлинг; прим. П. И. Бартенева // Русский архив. 1888. № 8. С. 490.

¹⁵ *Григорьев А. А. Из истории костромского дворянства. Кострома, 1993. С. 352.*

очевидно, какими-то другими сведениями по истории дворянских корней Каткова А. А. Григоров не обладал. Можно предположить, что в родословных книгах местного дворянства о них ничего не было сказано.

Катковы – до сих пор распространенная фамилия в Костромской области. Среди ее обладателей известные костромичам люди. Например, замечательный местный художник Виктор Сергеевич Катков и его супруга, ведущий специалист по истории и культуре края Светлана Сергеевна Каткова, знаток русской иконописи и декоративно-прикладного искусства. В сказочном пространстве костромского Берендеева царства встречаются и другие люди, носящие эту фамилию¹⁶. Имеют ли они какое-то отношение к нашему герою вряд ли сегодня можно точно установить.

Между тем прямые потомки Михаила Никифоровича, его старший сын Павел и внуки, стали обладателями княжеского титула и двойной фамилии Катковы-Шаликовы, а другие дети, породнившись с князьями Шаховскими, Щербатовыми, Куракиными, Звенигородскими, имели в своих семьях представителей династий Рюриковичей, Гедиминовичей, Чингизидов. Родственниками М. Н. Каткова впоследствии оказались графы Толстые, бароны Фредериксы и Врангель, а также Энгельгардты, Роговичи и Демидовы¹⁷.

Да и сама мать Каткова, Варвара Акимовна, урожденная Тулаева, находилась в родстве с князем Петром Ивановичем Шаликовым¹⁸ (южно-грузинский княжеский род Шаликашвили). В Грузии у нее оставалось небольшое наследство, которое Михаил Никифорович Катков уступил в пользу своего младшего брата Мефодия¹⁹.

Семья Тулаевых состояла из отца, матери и двух дочерей, Варвары и Веры, и была очень дружна с семьей Яковлевых, Алексея Александровича и жены его Натальи Борисовны, родных деда и бабушки Александра Герцена. Супруги Тулаевы, как и супруги Яковлевы, умерли рано, оставив малолетних детей. Их взяла на свое полное попечение сестра Натальи Борисовны Яковлевой – княжна Анна Борисовна Мещерская (1738–1827). Эта добрая и умная женщина, так никогда и не вышедшая замуж, дала как тем, так и другим детям очень хорошее по тому времени воспитание и образование и до конца своей долгой жизни оставалась для них нежной и заботливой матерью. Сестер-сирот Тулаевых она взяла под свое покровительство, перевезла к себе, любила и заботилась о них, а когда они выходили замуж, княжна Анна Борисовна выделила из своего весьма небогатого состояния хорошее приданое своим воспитанницам²⁰.

Вера Акимовна Тулаева вышла замуж за А. Ф. Верховского, а Варвара Акимовна за Никифора Васильевича Каткова. Княжна А. Б. Мещерская не имела ничего против брака Варвары Акимовны с Никифором Васильевичем, человеком молодым, хорошим, хотя и недостаточно обеспеченным. Ко времени рождения Михаила, первенца Катковых, Варваре Акимовне (1778–1850) исполнилось уже сорок лет, муж был ее моложе, но умер рано. Супружество оказалось недолгим, и жизненная перспектива после смерти мужа для вдовы и маленьких детей вырисовывалась весьма туманно.

Оставшись практически без средств, Варвара Акимовна временами передавала заботу о младшем сыне Мефодии своей сестре, а сама полностью занималась воспитанием Михаила. Дореволюционные биографы М. Н. Каткова особенно отмечают достоинства и стойкость его

¹⁶ В августе 2009 г. Костромская область отмечала свое 65-летие. По этому случаю в области были устроены народные гуляния. В Чухломе в них участвовали старушки-веселушки: М. И. Каткова, О. Н. Костромова. URL: http://www.admgalich.ru/index.php?id=2062&Itemid=24&option=com_content&task=view (Дата обращения: 22.03.15).

¹⁷ Евгений Пажитнов. Родословная рода Михаила Никифоровича Каткова [Электронный ресурс] // URL: <http://www.proza.ru/2014/12/28/1648>. (Дата обращения: 31.05.2015); Шереметев С. Д. Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 387.

¹⁸ Материалы для жизнеописания М. Н. Каткова. Ч. I. Из писем М. Н. Каткова к матери и брату // Русский вестник. 1897. № 8. С. 133–134.

¹⁹ НИОР РГБ. Ф. 120. К. 53. Ед. хр. 18. Л. 1 об.

²⁰ Пассек Т. П. Воспоминания («Из дальних лет»). 2-е изд. Т. 3. СПб., 1906. С. 288.

матери. Несмотря на трудные жизненные обстоятельства, она «сумела своею самоотверженной любовью, мудростью и энергией поставить первоначальное воспитание и развитие своего сына на столь высокую степень, что ей по праву принадлежит часть в тех заслугах, которые покрыли славой имя Каткова»²¹.

До восьми лет Миша постоянно находился при матери. По словам Татьяны Петровны Пассек, Варвара Акимовна была женщина умная, добрая, самостоятельного характера и довольно образованная. Она сама преподавала сыну первые уроки русского и французского языка и арифметики. Миша учился хорошо, рос послушным и серьезным мальчиком, старался не огорчать «милую маменьку», так что к моменту поступления в сиротское училище был уже достаточно подготовленным к учебе²².

Варвара Акимовна воспитывала сына в православной вере, с уважением к церковным обрядам и религиозным традициям. И хотя Каткова увлекали различные философские и общественно-политические учения, он с детства хранил верность государю и русской церкви. Как отмечал Е. В. Маркелов, в основу мировоззрения Каткова легло православие. Вера в Бога являлась неколебимой на протяжении всей его жизни²³.

Показательно, что, находясь вдали от родины, продолжая образование в Берлинском университете, молодой Катков, как и другие его соотечественники, подвергавшиеся за границей различным испытаниям духа и житейским соблазнам, смирял желания и боролся с искушениями, старался придерживаться в быту порядка, заведенного с детства в семье. В одном из писем родным из-за границы, пришедшем на пасхальные праздники, он писал: «Не думайте, однако, что я на Святой неделе буду без пасхи, – пасха будет, и не хуже вашей. Я большой приятель с русским священником при русском посольстве – премилый, прерадушный человек, ходит разумеется в сюртуке и без бороды, что сначала было мне очень странно. В Светлое Воскресение я буду у него *разгавливаться*. В самом деле, разгавливаться, потому что теперь – пусть маменька утешится – я ем почти постное; несколько дней не выхожу из комнаты, роюсь в бумагах, читаю новости, обедаю дома, и хозяйка моя, за неумением лучшего, варит мне вассерсупы, морковки и проч.»²⁴.

До осени 1826 года мать и сын были неразлучны. Нежность и заботу о матери Катков проявлял всегда, вплоть до ее кончины в 1850 году. В памяти Т. П. Пассек остался один очень яркий эпизод, характеризующий отношение Михаила Каткова к матери. Уже после возвращения его с учебы из Берлина она вместе с Катковыми была приглашена на обед к известному доктору-гомеопату Константину Ивановичу Сокологорскому, с которым молодой Катков близко сошелся за границей. «Входя на довольно высокую лестницу, вместе с какими-то посетителями и Катковым с его матерью, – вспоминает Пассек, – я, будучи наверху лестницы, оглянулась и увидела, что старушка Варвара Акимовна с трудом взбиралась наверх. В то же время заметил это и Катков; в ту же минуту он быстро бежал вниз, поднял мать на руки, внес наверх и почтительно опустил ее на пол. Потом тревожно оглянулся на подымавшихся по лестнице, по видимому, опасаясь, чтобы кто-нибудь не улыбнулся. Все были серьезны.

С этого времени, – заключает Пассек, – Михаил Никифорович стал для меня близким»²⁵.

Один из современников так запечатлел облик Варвары Акимовны Катковой: «Женщина добродетельная, отменно строгих правил. Катков женился (1853 год) только после ее кончины,

²¹ Материалы для жизнеописания М. Н. Каткова. Ч. I. Из писем М. Н. Каткова к матери и брату // Русский вестник. 1897. № 8. С. 133.

²² Пассек Т. П. Воспоминания («Из дальних лет»). С. 291.

²³ Маркелов Е. В. Пути исканий русской интеллигенции: оформление охранительной концепции М. Н. Каткова [Электронный ресурс] // URL: http://observer.materik.ru/observer/N10-12_96/10-12_21.htm (Дата обращения: 8.03.15).

²⁴ Материалы для жизнеописания М. Н. Каткова. Ч. I. Из писем М. Н. Каткова к матери и брату // Русский вестник. 1897. № 8. С. 159.

²⁵ Пассек Т. П. Воспоминания («Из дальних лет»). 2-е изд. Т. 3. СПб., 1906. С. 296–297.

зная, что мать не даст самостоятельности его жене. Любила же она его так, что, когда, бывало, он придет со службы и разбросает свое платье, она, убирая за ним, всё перецелует»²⁶. О матери Михаил Никифорович сохранил светлую память, назвав ее именем свою старшую дочь Варвару (в замужестве княгиня Шаховская), рожденную первой в семье 8 апреля 1855 года.

О младшем брате Каткова, Мефодии Никифоровиче (1820–1875), известно немного. Выпускник Первой московской гимназии, по окончании которой ему было доверено выступить с речью перед выпускниками о классической литературе²⁷. В 1844 году окончил юридический факультет Московского университета, был хорошо образован и подавал большие надежды. Однако жизнь Мефодия сложилась трагически. С этим связана семейная драма Катковых.

С раннего возраста, как свидетельствовал Катков уже после смерти брата, он страдал некоторыми психическими отклонениями. Еще в детстве у Мефодия обнаружили первые признаки ненормального душевного состояния, с ним «случались галлюцинации; он вскакивал по ночам и пугал домашних своими припадками»²⁸. Диагноз недуга сейчас трудно определить, но известно, что Мефодий дорожил дружбой со старшим братом и ревностно относился к его другим привязанностям. Вероятно, прогрессирующая со временем болезнь наложила свой отпечаток на его личность, обостряя отдельные черты характера, вызывая в нем приступы злобы, буйства и немотивированной агрессии, что и привело к роковой развязке.

Детские годы Миши Каткова проходили в постоянных разъездах, когда они с матерью навещали друзей и родственников. Так сложилось, что в тех семьях, где бывал маленький Михаил, детей либо не было, либо они были намного старше. Общения со сверстниками в этот период он был практически лишен, много времени ему приходилось проводить в одиночестве, что невольно повлияло на его характер, способствовало склонности к чтению, к мечте и фантазии. В своем письме Александру II, в 1866 году, Катков признавался, что «обстоятельства моего развития заключили меня в сферу чисто умственного интереса»²⁹. Этому в немалой степени способствовали и жизненные условия, сопровождавшие Каткова в детстве.

²⁶ Из Записной книжки «Русского архива»: М. Н. Катков // Русский архив. 1912. № 3. С. 450.

²⁷ Материалы для жизнеописания М. Н. Каткова. С. 132.

²⁸ НИОР РГБ. Ф. 120. К. 53. Ед. хр. 18. Л. 1.

²⁹ Катков М. Н. Письма к Александру II и Александру III // Идеология охранительства. М., 2009. С. 709.

Круг друзей и знакомых

– Москва! – Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси – бездомный.
Мы все к тебе придем...

М. Цветаева. 1916 год

Почти за век до появления этих строк о Москве здесь родился Михаил Катков, у которого в родном городе на протяжении многих лет не было собственного дома. Были – бездомность и безотцовщина, но не было сиротства. Русский человек, как писал Георгий Федотов, «был сыном Великой Матери, лишенным отца»³⁰, имея в виду *предстоящие* всякого православного перед Господом и его неразрывную духовную связь с Богородицей и Матерью-Церковью. И всегда в душе Михаила Никифоровича Каткова были Отечество и Москва, в которой жили добрые знакомые и друзья матушки, предоставлявшие кров и помогавшие кто чем мог бедному семейству, оставшемуся без отца-кормильца.

В течение жизни Катков, особенно в детстве и молодости, не раз менял московские адреса, обретая пристанище. Как только Миша подрос, Варвара Акимовна по праздникам стала брать его с собой к княжне Анне Борисовне Мещерской, иногда они гостили у Яковлевых, у княгини Хованской и Голохвастовых³¹. Друг с другом эти семейства общались по-родственному и были соседями.

Дом княжны Анны Борисовны находился на Малой Бронной, и его не тронул пожар 1812 года, тогда как дом княгини Марьи Алексеевны Хованской сгорел. До постройки или покупки нового княгиня Марья Алексеевна со всеми домочадцами и многочисленной прислугой поместилась у княжны, в деревянном флигеле с мезонином, на одном дворе с большим домом княжны, который после смерти Анны Борисовны и достался Марье Алексеевне в наследство. Голохвастовы жили рядом, их усадьба была отделена садом от двора княжны Мещерской и своим фасадом выходила на Тверской бульвар. Когда-то, если въезжать на бульвар с Арбата или Пречистенской площади, это было второе здание по левой стороне. Сейчас в сохранившемся, но полностью измененном и перестроенном доме (Тверской бульвар, 13) трудно узнать бывший особняк Голохвастовых (с 2012 года в нем размещается аппарат партии «Гражданская платформа»).

Княжна Анна Борисовна, как писал Герцен, была «набожна и благочестива»³² и старалась всегда помочь ближним. Родственники и знакомые навещали пожилую княжну, но оставались не подолгу, чтобы не затруднять и не обременять ее. Входили к ней, не нарушая заведенного порядка, вполголоса говорили и, почтительно поцеловав у нее ручку, удалялись едва слышными шагами.

Татьяна Петровна Пассек в своих мемуарах оставила очень ценные воспоминания о мальчишке Мише Каткове, с которым она встречалась в хлебосольном доме княжны А. Б. Мещерской. Она отмечала, что «маленький Миша» спокойно и тихо входил в спальню Анны Борисовны, «как будто сочувствуя царившей в ней полной, глубокой тишине. Стены ее были обтянуты зеленым штофом, а пол зеленым сукном, по которому детских шагов его не было слышно. В этой комнате, на диване, против небольшого стола, всегда сидела или лежала старушка уже княжна, а по противоположной стенке шел ниш, одной ступеней выше; там стоял

³⁰ Цит. по: Бузина Т. В. Достоевский: динамика судьбы и свободы. М., 2011. С. 293.

³¹ Материалы для жизнеописания М. Н. Каткова. Ч. I. Из писем М. Н. Каткова к матери и брату // Русский вестник. 1897. № 8. С. 133.

³² Герцен А. И. Былое и думы // Герцен А. И. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 4. М., 1975. С. 28.

широкий, пуховый диван, на котором, спала княжна, а над ним в головах киот со множеством образов в богатых окладах, сиявших драгоценными камнями. Перед образами теплилась неугасимая лампада. Посетители, входя, должны были сделать перед образами три земных поклона и затем поздороваться с нею»³³.

Княжна, часто жалея ребенка, думая, что он скучает в обществе взрослых, обращалась к матери Каткова: – Позволь, Варвара Акимовна, Мише поиграть в зале и в гостиных. – и посылала свою пожилую служанку Костеньку присмотреть за мальчиком. И Миша «молча уходил» бродить по пустым залам³⁴.

«После обеда, – продолжала Пассек, – Мишу снова отправляли поиграть и побегать в большие парадные комнаты, водили посмотреть обезьянку, сидевшую на цепочке на выступе печи девичьей, или Аресо, попугая в бронзовой клетке, болтавшего и дико кричавшего иногда в зале.

В этих комнатах всё напоминало давно отжившие времена: огромные люстры с пожелтевшими от времени, точно дымчатые топазы, хрустальными подвесками; фигурные подзеркальники перед узкими зеркалами между окон, фамильные портреты по стенам, сделанные гуашью, всего семейства Яковлевых в их молодости, пуховые диваны с подушками и едва слышные шаги проходившей иногда прислуги. Всё это как-то совпадало в тон с тихим, точно погруженным в самого себя ребенком. <...> Я всегда брала тарелочку разных сластей и относила в парадные комнаты Мише, которого в них не было слышно; так-то он резвился, что не трудно было беречь его. Большею частью я находила его, что он сидит, облокотившись у окна и смотрит на палисадник перед флигелем во дворе, где жила княгиня Хованская с семейством, после 1812 года, когда сгорел ее дом. В этом палисаднике было несколько тенистых деревьев, а большая аллея была окаймлена черной смородиной и множеством розовых кустов. У меня было тут любимое местечко, где я часто сидела и читала. За палисадником шел направо небольшой огород, засаженный капустой, тыквой, морковью и другими овощами. А налево от него развалины, после двенадцатого года, огромного дома Неклюдовой.

Летом я иногда водила гулять Мишу в палисадник и заходила на огород, где мы лакомились морковью, вырванной с гряды, репой, редиской. Зимой же я заставляла Мишу на диване у столика, обнесенного бронзовою решеткой, кроме небольшого выема, на котором он читал разложенную книгу и смотрел картинки. Иногда я заставляла его перед фамильными портретами, которые он внимательно рассматривал.

– Узнаешь ли ты, Миша, кто это молоденькая девушка с розою в голове, в растрепанных напудренных волосах? – спрашивала я, указывая на княжну Марью Алексеевну Хованскую. – А вот этот стройный молодой человек в щегольском мундире – Иван Алексеевич, которого ты видишь теперь в валенках и теплой фуфайке, а вот и княжна Анна Борисовна с напудренными волосами, и как она приветливо смотрит»³⁵.

Атмосферой уходящего времени и глубоким психологизмом наполнены строки Татьяны Петровны Пассек. Перечитывая их, современный исследователь приходит к выводу, что в «образе маленького Каткова уже проглядывает та особенность его натуры, которая, как мы увидим в дальнейшем, неизменно отмечалась всеми, кто его близко знал, – внутренняя углубленность, граничащая с отрешенностью, которая и позволила ему в зрелом возрасте на протяжении многих лет успешно совмещать редакторство в крупном литературно-аналитическом журнале и ежедневной газете. Редакторское поприще сделало Каткова на несколько десятиле-

³³ Пассек Т. П. Воспоминания («Из дальних лет»). 2-е изд. Т. 3. СПб., 1906. С. 289.

³⁴ Там же.

³⁵ Пассек Т. П. Воспоминания («Из дальних лет»). 2-е изд. Т. 3. СПб., 1906. С. 290–291.

тий невольным затворником, не имеющим времени не только для светской жизни, но подчас и для общения с семьей»³⁶.

Как и у любого человека, мир детства Каткова был уникален, он был открыт для знакомства с разными людьми, как правило, со взрослыми, с их особыми характерами, привычками и судьбами, поэтому общение с ними приучало мальчика держать дистанцию. Но и запомнилось, рождало в нем проникновенное и уважительное отношение к старшим, к старине, к заведенным порядкам, соблюдаемым в домах, где они бывали с матушкой. Маленькому Мише дозволялось и пошалить, и поиграть в комнатах и залах, но он старался охранять тишину, прислушивался к ней, был внимательным ко всему окружавшему его: к портретам на стене, к природе за окном, к самому себе. Внутренней сосредоточенности способствовало одиночество. А оно порой ведет к индивидуализму, одной из граней которого может стать ранимость, повышенное чувство собственного достоинства.

Наверное, не случайно Т. П. Пассек в своих воспоминаниях обращает наше внимание именно на эти особенности поведения Каткова и приводит их вполне сознательно потому, что *«каждого человека и его труд, – подчеркивает она, – можно вполне понять только в связи со всей его жизнью, а Катков выдвинулся из ряда вон»*³⁷.

И вместе с тем любая взрослеющая душа подобна расширяющейся вселенной, в которой сокрыты свои тайны и загадки и проистекают сложные, неизвестные процессы. Что не могла не отметить проницательная Татьяна Петровна: «В умных чертах маленького мальчика меня поражали глаза его, – бледно-голубые, до крайности прозрачные, временами точно с изумрудным отливом и со взором до того как бы погруженным внутрь самого себя, что не знаешь, что в нем таится»³⁸.

Какие образы рождались в этих глубинах, какие мечты и грезы возникали в сознании бедного, скромного мальчика, росшего в материнской любви и ласке? Какие пути и дороги угадывались ему в его будущей жизни, когда он, сидя у окна, смотрел на цветы в палисаднике старого московского двора?..

Вспоминая детские годы, Катков признавался в письме к брату, что «отделенность от людей, от живых общественных отношений, непрерывное чтение рано разыграли во мне мечту и фантазию, а потом пошли потехи, и действительная жизнь приняла меня как водоворот»³⁹.

Среди того небольшого круга родных и близких, знакомых с детства людей, признательность и благодарность к которым Михаил пронес через всю жизнь, была семья князя Петра Ивановича Шаликова (1768–1852), родственника Варвары Акимовны. У князя-поэта постоянно собирался кружок известных литераторов, в нем позднее блистала его старшая дочь княжна Наталия Петровна, отличавшаяся умом, образованием и талантом. Н. П. Шаликова (1815–1878), первая в России женщина-журналистка, была на семнадцать лет старше своей сестры Софьи Петровны (1832–1913), будущей супруги Михаила Никифоровича Каткова. Будучи взрослее Миши, юная княжна Наталия любила с ним беседовать, находя его развитым и начитанным не по летам⁴⁰. Впоследствии она сотрудничала в изданиях своего зятя и подолгу оставалась жить в его семье, ставшей для нее родным домом. И похоронена она была на кладбище московского Алексеевского монастыря в Красном селе, где упокоилась ее мать княгиня

³⁶ Сацькова С. М. Михаил Никифорович Катков. В поисках места (1818–1856). М., 2008. С. 23.

³⁷ Пассек Т. П. Воспоминания («Из дальних лет»). 2-е изд. Т. 3. СПб., 1906. С. 287–288.

³⁸ Там же. С. 291.

³⁹ Материалы для жизнеописания М. Н. Каткова. Ч. I. Из писем М. Н. Каткова к матери и брату // Русский вестник. 1897. № 8. С. 161.

⁴⁰ Материалы для жизнеописания М. Н. Каткова. Ч. I. Из писем М. Н. Каткова к матери и брату // Русский вестник. 1897. № 8. С. 133–134.

А. Ф. Шаликова (1867)⁴¹ и был погребен М. Н. Катков и его верная спутница жизни Софья Петровна, обретшая рядом с ним в семейном склепе свой вечный покой...

Князь П. И. Шаликов, издатель «Дамского журнала», в течение 1823–1828 годов шесть раз на страницах размещал заметки о бедственном положении «бесприютной, не имеющей никакой опоры, вдовы с малютками сиротами», представляющей собой «самую трогательную картину взорам сострадательности и милосердия.», призывая присылать на ее адрес благотворительные частные пожертвования⁴².

Мог ли предположить тогда искренний последователь русского сентиментализма, что его трогательная забота проявлена по отношению к будущему зятю, отцу его будущих внуков? Случайных совпадений не бывает. Став издателем «Дамского журнала», князь покинул свой скромный дом на Пресне, чудом сохранившийся после пожара 1812 года, и справил новоселье на Страстном бульваре. Он поселился на втором этаже редакторского корпуса университетской типографии⁴³, там, где через полвека стала жить семья Каткова, дети и внуки Шаликова.

Колоритная фигура князя Шаликова была весьма заметной и популярной в городе. Его часто встречали прохаживавшимся на бульварах:

С собачкой, с посохом, с лорнеткой
И с миртовой от мошек веткой,
На шее с розовым платком,
В кармане с парой мадригалов. —

шутливо рисовал его портрет Пётр Андреевич Вяземский.

Но простые горожане-москвичи по-своему любили князя-стихотворца, прощали ему чудачества и ценили за добросердечие, любезность и простодушие. Снисхождение проявляли они и к его творчеству, вызывавшему немало насмешек, слухов и эпиграмм, но где всегда находилось место возвышенному чувству, благородству и чистому человеческому порыву.

Пётр Иванович Шаликов был сыном небогатого грузинского князя, получил домашнее воспитание, затем служил кавалерийским офицером, участвовал в турецкой и польской войнах. Он вышел в отставку премьер-майором гусарского полка в 1799 году и поселился в Москве, променяв гусарскую саблю на лиру. Первые стихотворения Шаликова появились в 1796 году в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» и в «Аонидах». Тогда же, по-видимому, состоялось знакомство его с Иваном Ивановичем Дмитриевым (1760–1837), видным государственным деятелем, поэтом и баснописцем, и с Николаем Михайловичем Карамзиным (1766–1826), первым писателем и будущим историографом российским, коих Шаликов почитал всю жизнь как своих учителей.

Еще до *Отечественной войны 1812 года* князь Шаликов прослыл поборником защиты общественных нравов. В редактируемом им в эти годы журнале «Московский зритель» он с негодованием писал о падении морали «почтеннейшей публики», падкой на сомнительные мимолетные удовольствия с «нимфами радости» и «Венериними жрицами». Он с негодованием отзывался о представителях высших классов, тратающих попусту время в дорогих заграничных магазинах на Кузнецком мосту и ресторанах – «школах разврата», как он их называл. Всё это наносило урон просвещению общества, за которое горячо ратовали Карамзин и другие уважаемые им авторы⁴⁴.

⁴¹ Бураков Ю. Н. Под сенью монастырей московских. М., 1991. С. 175.

⁴² Санькова С. М. Михаил Никифорович Катков. В поисках места (1818–1856). М., 2008. С. 21.

⁴³ Российская газета. 2013. 31 октября.

⁴⁴ Мартин А. Просвещенный метрополиии Созидание имперской Москвы, 1762–1855. М., 2015. С. 175, 248.

Хранитель твердых устоев и благовоспитанности москвичей князь проявил себя во время войны с Наполеоном, отказавшись выехать из города, захваченного неприятелем. То ли из-за недостатка средств, а может быть, и по другим, не менее значимым причинам, он остался в Москве, став очевидцем событий разорения и пожара древней столицы России. В 1813 году Шаликов написал и издал брошюру «Историческое известие о пребывании в Москве французов». Но литературную популярность принесли ему изящно изданные «Плоды свободных чувствований» и продолжение их – «Цветы граций», в которых сентиментальные прозаические миниатюры перемежались с чувствительными стихами, – всё это было вполне на уровне своего времени и в некоторых кругах, несомненно, пользовалось успехом. Его товарищами и приятелями были К. Н. Батюшков, Д. В. Давыдов, И. И. Козлов, И. А. Крылов, В. Л. Пушкин, а имя самого Шаликова тоже по разным поводам было хорошо известно современникам.

Характерно, что А. С. Пушкин, неоднократно смеявшийся над шаликовской чувствительностью в сатирических стихах и дружеской переписке, отзывался о нем как о поэте совсем не враждебно. Так, в первом издании «Разговора книгопродавца с поэтом» (1825) поэт, отказываясь петь для «женских сердец», отвечает книгопродавцу:

Пускай их Шаликов поет,
Любезный баловень природы.

В письме к Вяземскому Пушкин сам комментировал этот стих как «мадригал кн. Шаликову» и прибавлял при этом: «Он милый поэт, человек достойный уважения... и надеюсь, что искренняя и полная похвала с моей стороны не будет ему неприятна»⁴⁵. Шаликов относился к Пушкину с неизменным благоговением. В «Дамском журнале» помещено немало стихотворений, обращенных к автору «Евгения Онегина» и «Полтавы». Личное знакомство Пушкина и Шаликова могло произойти в 1827 году в доме В. Л. Пушкина, где Шаликов бывал очень часто. В творчестве своем – и в прозе, и в стихах – Шаликов старался подражать Карамзину, который покровительствовал Шаликову, называл его «добрым» и защищал от насмешек друзей-литераторов.

Наделенный характерной внешностью (невысокого роста, худощавый, с большим носом, черными бакенбардами, в зеленых очках), Шаликов подчеркивал свою оригинальность эксцентричностью одежды, витиеватой речью и неестественной манерой держаться – он всё время разыгрывал роль «вдохновенного поэта». Кроме того, он обладал самолюбивым и отнюдь не простым нравом, чем и наживал себе множество врагов, был, по свидетельству П. А. Вяземского, «вызываем на поединки» и навлекал на себя злые эпиграммы⁴⁶.

Умер Шаликов 16 февраля 1852 года в своей небольшой деревне Серпуховского уезда, глубоким стариком, едва ли не последним из представителей русского сентиментализма. Его похоронили в Серпухове, в пределах Высоцкого мужского монастыря⁴⁷, на крутом берегу Нары, неподалеку от ее впадения в Оку. На следующий год его дочь Софья Петровна вышла замуж за Михаила Никифоровича Каткова. Но ни князь, ни мать Каткова не дожили до свадьбы детей, и им не суждено было увидеть своих многочисленных внуков, рожденных в этом браке.

Еще одно обстоятельство заслуживает внимания. Князь Шаликов и Катков в разные годы редактировали «Московские ведомости». Газета выходила с 1756 года два раза в неделю и являлась печатным органом Московского университета, но фактически была общегородской. Поистине всероссийскую и всеевропейскую славу издание приобрело благодаря таланту, энергии, организаторским способностям и стараниям Каткова. Но именно на время руководства

⁴⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 10. 1958. С. 125.

⁴⁶ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 7. СПб., 1878-1896. С. 172.

⁴⁷ Василькин А. А. В поисках лермонтовской Москвы. К 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. М., 2014. С. 126.

газетой князем Шаликовым приходится и первый заметный рост ее популярности среди москвичей в XIX веке.

Место редактора «Московских ведомостей» князь получил после окончания войны, по протекции министра юстиции И. И. Дмитриева, и руководил газетой в течение 25 лет (1813–1838). О чем только не писали на ее страницах. Здесь размещались и указы императора, и государственные установления, и новости из-за границы, и светская хроника, и всевозможные объявления. Так, летом 1818 года читатель мог уточнить подробности пребывания в Первопрестольной прусского короля Фридриха Вильгельма III, прочесть о том, что итальянец Финарди «наконец представит на лошади пьяного драгуна в весьма забавном виде», ознакомиться с «Опытами о лечении чахотки смоляными парами», узнать о чрезвычайном собрании Общества любителей российской словесности, о концерте известного музыканта Фильда, о том, что в трагедии «Танкред» будет играть госпожа Семёнова, а за оную трагедией «последует дивертисман».

Или о том, что все восемь томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина можно приобрести у книготорговца Глазунова за 80 рублей⁴⁸.

⁴⁸ Долгова С. Р., Михайлова Н. И. «Края Москвы, края родные.» А. С. Пушкин и Москва. М., 2013. С. 197.

Москва, 1818 год

1818 год запомнился москвичам чередой разных событий, больших и малых, знаменательных, важных и неприметных. Город постепенно восстанавливался после пожара 1812 года, хотя следы его еще долго были заметны во многих местах. Большие обгорелые дома зияли глазницами окон без рам. Целые кварталы, огороженные заборами, стояли без крыш, с обвалившимися стенами, а на пустырях виднелись остатки печей и труб на них. Всюду шла работа, большая стройка охватила город. Москва возрождалась из руин. Поднимались в своем достоинстве и красоте московские соборы, и звон колоколов сорока сороков вновь наполнял сердца москвичей благодатью и радостью.

На Святой неделе, в среду, 17 апреля, в 11 часов утра в Кремле, в Архиерейском доме Чудова монастыря в семье великого князя Николая Павловича родился старший ребенок, крепкий в честь августейшего дяди Александром.

Поскольку у старших братьев Николая Павловича законных наследников не было, то новорожденный младенец воспринимался как вероятный восприемник престола и будущий русский император. Именно такой ясный и внятный порядок передачи трона по нисходящей мужской линии в доме Романовых был установлен императором Павлом Петровичем в законе о престолонаследии 1797 года. Согласно этому документу, монархический принцип, освященный Промыслом Божиим, возводился в закон Российской империи, которому царствующий государь и все его подданные должны были неуклонно следовать. Как представлялось его автору, лишенному по деяниям своей матушки законного права на престол и ожидавшему своей очереди у трона более тридцати лет, таким образом создавались непреодолимые преграды на пути любого человеческого своеволия.

...Бедный, бедный Павел...

Вся императорская фамилия в эти апрельские дни встречала Пасху в Москве. Рождение младенца в великокняжеской семье придавало особый смысл празднику Светлого Воскресения Христова. По счастливому поводу был дан салют из 201 пушечного залпа. Так уж случилось, что Александр II был и остается единственным уроженцем Москвы, стоявшим во главе Российского государства с 1855 года.

Катков угадывал знак судьбы в факте появления на свет будущего цесаревича и своего собственного в один год, в один день недели (в среду) и в одном городе – Москве. В известном письме государю (1866) он отмечал это обстоятельство. История принца и нищего на русской почве виделась ему как указание свыше, предвосхищение пересечения жизненных дорог сына бедного чухломского дворянина и его венценосного сверстника. Увы, в чем-то очень похожей оказалась и посмертная память потомков.

Москвичи – земляки Александра II – повторно удостоили царя-освободителя бронзового памятника лишь в 2005 году. Его автор скульптор Александр Рукавишников планировал установку памятника в Кремле, там, где находился торжественно открытый в 1898 году первый памятник государю работы А. М. Опекушина, Н. В. Султанова и П. В. Жуковского, сброшенный с пьедестала большевиками в 1918 году, ровно сто лет спустя после рождения будущего царя-реформатора. По разным причинам новый памятник решили установить в сквере Храма Христа Спасителя. Избежать исторических аллюзий не удалось и на этот раз. Ведь практически на том же месте был поставлен (1912) и простоял всего лишь шесть лет бронзовый образ Александра III (также работы А. М. Опекушина). Снос с постамента фигуры государя-миротворца запечатлели объективы фото- и кинооператоров. Эти кадры были многократно растиражированы потом в своих целях советскими властями, решившими на этом месте воздвигнуть монумент «Освобожденному труду».

Память о Каткове в Москве не увековечена. До сих пор в городе нет ни одного мемориального знака, а усыпальница семьи и близких варварски уничтожена в конце 1920-х годов.

Бронзовые изваяния и благодарность соотечественников не всегда следуют друг за другом. Провалы и разрывы памяти случаются не только с отдельными людьми, но и с целыми народами. Ниспровержение былых кумиров опрокидывает и что-то внутри нас. Но неведомые повороты истории возвращают на круги своя национальных героев, восстанавливая их на заслуженном пьедестале.

Преходящее отступает – нетленное остается. Вечность – сильнее времени.

В том же 1818 году, 20 февраля, в Москве торжественно открыли памятник Минину и Пожарскому.

Памятник этот всегда в нашем представлении о Москве не просто достопримечательность столицы, украшение и доминанта Красной площади, сердца города, а гораздо большее – зримое воплощение непрерывности русской истории и ее героического эпоса, сопричастного с душой каждого нашего соотечественника, российского гражданина.

Катков, будучи уже в зрелых годах, в своей статье «Заслуга Пушкина» (5 июня 1880 года) накануне открытия памятника поэту на Тверском бульваре попытался соединить два контрапункта как части единой симфонии в пространстве города: «В Москве на Красной Площади, – писал он, – высится памятник Минину и Пожарскому. Их деяние золотыми буквами вписано в русскую историю, и воздвигнутый памятник будит в нас высокое чувство народного самосознания и веру в Промысел, управляющий судьбами нашего отечества. То было в смутную пору нашей истории, с лишком три с половиною века назад. Прервалось преемство царского рода: власть, так тяжко собранная и возвеличенная, утратила свою святость, переходя из рук в руки путем преступлений, обмана, измены. Государство зашаталось. Русская земля, казалось, погибла. Иноземный враг уже владел Москвою. И вот тут-то на голос простого человека из народа встала вся Русская земля. Всё поднялось, всё вооружилось; всё несло достояние и кровь свою за веру и отечество. Великое, беспримерное народное движение, исполненное силы и духа и вместе смиренное духом, простое и некичливое в своем величии! Иноземный враг был посрамлен и изгнан, крамола раздавлена, государство спасено, и верховная власть бережно и без ущерба передана избраннику всей земли Русской, родоначальнику нового царствующего дома, открывшего новую эру в истории нашего отечества. И вот в Москве, колыбели русского единовластия, поставлен памятник вождям свободного народного подъема, которым спасено было Русское государство и в котором впервые сказалось несокрушимое единство нашего народа и его дух, воспитанный церковью»⁴⁹.

Прошло двести лет после изгнания поляков из Москвы, а русско-польская тема приобрела совершенно новое выражение.

В марте 1818 года Александр I выступил на открытии польского сейма, посулив Польше новые земли, а России – конституцию наподобие польской. За два года до этого акта 15 ноября 1815 года Александр I утвердил Конституционную хартию Царства Польского, согласно которой оно становилось неотделимой частью Российской империи; российский император объявлялся наследственным польским королем, а его власть ограничивалась хартией. Она провозглашала равенство всех перед законом, неприкосновенность личности и собственности, свободу вероисповедания, печати и другие гражданские права, разделение властей, относительно демократичную избирательную систему и т. п. Управление Царством Польским осуществлялось наместником при участии двухпалатного сейма. Поляки получали то, что русские либералы и радикалы-революционеры из дворян, каждый по-своему примеряли в качестве образцовой модели общественно-политического устройства России.

⁴⁹ Катков М. Н. Заслуга Пушкина // Катков М. Н. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. СПб., 2010. С. 699. (Впервые: Московские ведомости. 1880. 6 июня. № 155. Особое прибавление к выпуску газеты).

Среди принципиальных противников либеральных реформ Александра I был Николай Михайлович Карамзин (1766–1826). Еще до *Отечественной войны 1812 года* он сблизился с великой княгиней Екатериной Павловной, возглавлявшей аристократическую оппозицию правительственному курсу. В Твери в ее «Очарованном замке» он читал главы из первых томов «Истории государства Российского» и в феврале 1811 года по ее просьбе составил «Записку о древней и новой истории России в ее политическом и гражданском отношениях» – своеобразный меморандум, трактат русского консерватизма, вызванный его неприятием преобразовательных планов Сперанского. «Мы стали гражданами мира, перестав при этом быть гражданами России»⁵⁰, – с сожалением признавал Карамзин.

Спустя сорок с лишним лет карамзинская декларация будет иметь свое продолжение и, как бы через призму времени, содержащиеся в ней идеи преломятся в свете новых реформ. Великий князь Константин Николаевич, в отличие от своего дяди и тезки цесаревича Константина Павловича, будет пытаться играть при своем венценосном брате ту же роль, которую до этого выполнял Сперанский. Таким образом, в правительственных сферах оформлялась и развивалась в течение долгого времени политика либеральной бюрократии, против которой последовательно выступали сначала Карамзин, а затем Катков, черпавший из наследия историка поддержку в своих публицистических баталиях.

В 1870 году Михаилу Никифоровичу представилась возможность выразить свое отношение к работе Николая Михайловича в связи с запретом цензуры публиковать «Записку» Карамзина в декабрьском номере «Русского архива». «Исторические идеи имеют свою относительную ценность, – отмечал Катков. – Что перед высшими требованиями является ложью и несправедливостью, то было в свое время и истинно, и справедливо, и необходимо». Для Каткова, несмотря на его оговорку, было принципиально важным подчеркнуть именно *ценность, преемственность и неизменность* их общей позиции в отношении самодержавной власти в России: «Карамзин имел в виду всего более уяснить примерами из нашей истории, поставить на твердом основании и отстоять принцип самодержавия против некоторых окружавших государя людей, желавших, как полагал Карамзин, ограничить его власть в свою пользу»⁵¹.

Катков, говоря об относительном и преходящем значении любого исторического документа, попытался актуализировать аргументы Карамзина, направленные против либеральных увлечений монарха, и обосновать прямую связь государя с народом – идею самодержавия – в качестве органичного и фундаментального принципа Российского государства в его прошлом, настоящем и будущем.

Историки не раз обращались к анализу «Записки» Карамзина, видя в ней сложность и многообразие различных идейных пластов, источник консервативных устоев и положений, формирующейся национально-государственной идеологии российского самодержавия. И с этой стороны содержание представленного государю Александру I документа открывало монарху простор и возможность для творческого созидания. По мнению Нины Васильевны Минаевой (1929–2009), в 1811 году Карамзин предложил модернизацию страны, но такую, которая бы обеспечивала внутреннюю стабильность и одновременно европейский статус России как современной великой империи⁵².

Хотя имперский период русской истории не был написан Карамзиным, но им одним из первых была дана развернутая оценка царствования Петра Великого и последствий его преобразований. Именно в «Записке о древней и новой России» Карамзин попытался непредвзято подойти к личности царя-реформатора, сумевшего обратить развитие России в новое русло.

⁵⁰ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 35.

⁵¹ Катков М. Н. Запрещение цензурою «Записки о новой и древней России» Карамзина // Катков М. Н. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. С. 632. (Впервые: Московские ведомости. 1870. 24 декабря. № 278).

⁵² Минаева Н. В. Век Пушкина. М., 2007. С. 129.

Карамзин не отрицает исторических заслуг Петра в деле возвышения России и укрепления ее могущества, но обращает внимание на два аспекта. Во-первых, он прослеживает истоки петровских преобразований, подготовленных предшествующей мудрой, терпеливой политикой московских царей в течение двух столетий, и, во-вторых, резко критически оценивает насильственный характер мер, при помощи которых Пётр проводил политику «европеизации» страны. «Искореня древние навыки, представляя их смешными, глупыми, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце», – писал Карамзин. Серьезной ошибкой Петра Карамзин считал принижение значения Православной церкви, уничтожение патриаршества, введение Святейшего Синода, контролируемого светской властью, что, по его мнению, привело к утрате Церковью своего священного назначения⁵³.

Оценки Карамзина важны и интересны не только для уяснения его историографической позиции и ее эволюции. Не меньшую ценность они представляют и в перспективе общего концептуального видения им судьбы страны и обоснования необходимости внести изменения в проводимый правительством курс реформ. Основой доказательства здесь для него служит тезис о самобытности России, ее особом пути. Н. В. Минаева обратила внимание, что этот тезис «сопряжен с уже укоренившимся представлением Карамзина о значении идеи национального достоинства. Впервые проявившееся в политической концепции Карамзина на ранних этапах увлечения его масонством представление о национальном достоинстве в “Записке” сливается с тезисом о самобытности пути русского исторического развития»⁵⁴.

Достоинства нации и народа, как мы понимаем сегодня, не могут попира́ть личного достоинства человека и гражданина. Одного не существует без другого. Искусственность такого противопоставления, надо полагать, была очевидной и для Карамзина, хотя проблема политической свободы, а также проблема отмены крепостного права в России действительно не рассматривались им как первоочередные. Это реальное противоречие трудно было разрешить, исходя из противостояния легитимизма – консерватизма свободе – либерализму. Необходим был синтез идеологий, их обобщение на другом уровне и другом витке истории, что позднее и попытались сделать последователи Карамзина, включая Каткова.

⁵³ Цит. по: *Стеник Ю. В.* Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-политической мысли XVIII – начала XIX века. СПб., 2004. С. 243.

⁵⁴ *Минаева Н. В.* Век Пушкина. М., 2007. С. 69.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.